

Александр Проханов: «Человек должен творить, а не потреблять»

Александр ПРОХАНОВ,
писатель, публицист,
главный редактор газеты
«Завтра» (Москва)

Писатель Александр Проханов – человек чрезвычайно занятой. В Минск он прибыл для участия в работе XX международной книжной выставки-ярмарки. Один день, расписанный буквально по минутам, официальные и неформальные встречи, интервью многочисленным СМИ. Однако Александр Андреевич нашел время ответить на вопросы журнала «Беларуская думка». Наш разговор – о литературе.

— Александр Андреевич, Вы начинали свою творческую деятельность как советский писатель. В то время литература была частью идеологии. Чем она стала сейчас?

– Бездомной собакой, которую выкинули из жестко регулируемого, но теплого дома. С этой поры собака мыкается по подъездам и помойкам, ищет себе хозяина. Питается падалью, где-то кого-то облает, кого-то куснет... Ее нынешнее существование бессмысленно.

– Вы так горько смотрите на современную литературу?

– Я так горько оцениваю состояние российской культуры и российского искусства в целом. Потому что когда литература, как и культура, являлись частью идеологии, они были востребованы централистским государством, нужны были Кремлю. Большевики использовали литературу для от-

крытия великого советского проекта. Он начинался книгами поэта Маяковского, прозаика Островского, драматурга Вишневского и десятков других. «Разгром» Фадеева, «Оптимистическая трагедия» Вишневского, «Как закалялась сталь» Островского... Закрывался проект тоже книгами: «Печальным детективом» Астафьева, «Пожаром» Распутина, «Белыми одеждами» Дудинцева, «Детьми Арбата» Рыбакова. Литература, как и идеология, может открыть период общественного развития, но может его и закрыть. Сейчас в этом не нуждаются. Период открывают ударом танков по парламенту либо включением огромной манипулятивной машины.

– В своей передовой статье в газете «Завтра» Вы как-то заметили, что советский строй проводил оси координат, и выстраивалась некая система отсчета. Все книги, все явления литературы были как по одну сторону оси, так и по другую, но сама эта ось была советской. Именно она сформировала культурное и литературное направление. После крушения советского строя оси координат исчезли, и весь огромный литературный мир распался. Что мы получили в итоге?

– Броуновское движение отдельно взятых литературных произведений. Исчезло то, что называется полем культуры. Оно позволяло отдельно взятой книге или картине соотносить себя с другими явлениями, составлять единое огромное созвездие. Какой бы прекрасной и гениальной ни была сегодня книга, она не представляет собой

НАШЕ ДОСЬЕ

ПРОХАНОВ Александр Андреевич.

Родился в 1938 году в г. Тбилиси. В 1960 году окончил Московский авиационный институт. В 1960–1962 годах работал инженером в НИИ, в 1962–1964 годах – лесником в Карелии. С 1970 года – корреспондент «Литературной газеты» в Афганистане, Никарагуа, Камбодже, Анголе и других странах. С 1989 по 1991 год – главный редактор журнала «Советская литература». С 1990 года – основатель и главный редактор газеты «День». После ее закрытия с 1993 года – главный редактор газеты «Завтра».

Писатель, публицист. Член Союза писателей СССР (1972), член секретариата Союза писателей России.

Автор почти 30 книг прозы и публицистики, лауреат восьми премий в области литературы, в том числе российской литературной премии «Национальный бестселлер» за роман «Господин Гексоген» (2002).

культуры, она не связана с ней, потому что не соотносится с другой книгой, не основана на традиции и не привязана к осям координат. Культура как таковая исчезла. Может появиться множество изумительных произведений, но при этом не составить культуры. Эти книги потеряны, они вне пространства, они не видны, их забывают. Культура мучается этим состоянием, она хочет из него выбраться, ищет центры притяжений. Поэтому книги группируются вокруг премий, которые создаются для них же, или вокруг издательств. Эти кружки и группы нередко предвзяты, они микроскопичны и замкнуты на себе самих. Происходит атомизация литературного процесса. А ведь исчезнувшая большая идеология ценила своих друзей не больше и не меньше, чем врагов. Такие противники советской идеологии, как Солженицын, например, или Пастернак на последних этапах его творчества, даже будучи врагами, получали известность, они встраивались в контекст и были советскими писателями, несмотря на то, что числились антисоветскими. Когда исчезли оси координат, они стали никакими, к ним пропал интерес.

– Что Вы можете сказать о современной белорусской литературе? У Вас есть друзья среди белорусских писателей?

– Я плохо знаю современную российскую литературу, а белорусскую – и подавно. Друзей среди писателей у меня практически нет – по ряду причин. Я и в советские времена был человеком достаточно одиноким, не «литературным». После 1991 года литература оказалась и вовсе рассечена: все, кто был прежде друзьями-приятелями, потеряли друг друга из виду. Многие побывали в разных идеологических лагерях, наобижали, наоскорбляли друг друга и теперь не кланяются. В литературе у меня осталась пара друзей, вот и все.

– Вам принадлежит суждение: «Сегодня книга, и мы должны это признать, является достоянием очень узкого круга людей, которые не могут не читать. Тех интеллектуалов, которые понимают, что знания приобретаются не из телевидения, а из книг». Неужели все так безнадежно?

– А Вы как думаете?

– Сокращение числа читателей видно по тиражам книг.

– Вот именно. Есть люди, для которых познание необходимо, и есть те, которые

не хотят познавать. Люди, которые роются в Интернете, не познают, они усваивают информацию. Настоящее познание можно получить только через книгу, ибо все глубокие прозрения связаны с ней. Есть дисциплины, в которых невозможно обойтись без познания, будь то генетика, антропология или конструирование современного оружия. Представители этих профессий нуждаются в познании, и они черпают его из книг, в том числе гуманитарных. Я думаю, что конструктор современного оружия, как ни насущны для него специальные знания, например сопротивление материалов и прочее, не может обойтись без «Илиады» и «Одиссеи». Недавно я принимал у себя в редакции человека, связанного с космической отраслью, немолодого мужчину, обожающего Пушкина. Из великого поэта он выводит Королева, Курчатова и Келдыша. В его представлении между русским Пушкиным и русским военно-техническим космосом – прямая линия.

– Во времена СССР мне довелось жить в общежитии Минского тракторного завода. Моими соседями по блоку были молодые инженеры – выпускники Московского высшего технического училища имени Баумана. Они были потрясающе культурно образованны: читали книги, не пропускали театральные премьер, великолепно знали музыку, в том числе классическую. Вы считаете, это время безвозвратно ушло?

– Не знаю. Я помню времена, когда шли бесконечные диспуты между физиками и лириками. Тогда физики, чтобы вести этот спор, должны были знать поэзию и культуру, а лирики, чтобы понимать физиков, интересовались квантовой механикой, тенденциями развития космоса. После 1991 года произошел распад всего, все от всех отделилось, и, конечно, эти связи утрачены. Думаю, не до конца. Я езжу по России, встречаюсь с разными людьми и поражен, что наши специалисты в военно-космической отрасли, инженеры остро нуждаются в понимании философских, религиозных и эстетических проблем.

– Вы часто встречаетесь с читателями?

– С читателями, как здесь, в Минске, редко. Обычно, когда я выступаю, зал набит политиками, речь идет преимущественно о политических проблемах. А я хочу говорить как писатель.

– К слову, очень популярный, лауреат премии «Национальный бестселлер»...

– Во-первых, я не чувствую себя популярным. Во-вторых, премии ничего не значат. У меня есть книги лучшие, чем «Господин Гексоген».

– В интервью радиостанции «Эхо Москвы» Вы как-то обмолвились: «Человек должен творить, а не потреблять». Какой смысл вкладываете в эти слова?

– Человек сегодня производит гораздо больше, чем может потребить, и тем самым разрушает окружающую среду. Если бы люди были ориентированы на творчество, не происходило бы экологических катастроф, оскудения земель. Человек создан Господом не для того, чтобы жрать. Едят животные, черви, бактерии – человек призван открывать. Самого Бога, суть вещей, искать Высшие смыслы! Для этого он пользуется средствами искусства, философии, религии... Творящий человек спасает мир, а потребляющий – его губит.

– Вы так пессимистически смотрите на мир... И все же, надежда есть? Выживет великая русская литература, воспрянет Россия?

– Я не пессимист, а наоборот, один из самых агрессивных оптимистов. Считаю, что Россия никуда не денется. Русская победа неизбежна, и вместе с этой победой воспрянет и русское сознание, русская культура, и тот великий имперский стиль, которым всегда отличалась великая русская литература, будь то XVIII, XIX или XX век. Мы проходим через мучительный процесс, но это не означает, что он негативен для художников. Думаю, что именно сейчас, когда возникло безвременье, и создаются шедевры. Наступит час, когда разбросанные камни будут собраны, и мы увидим, что жили не в пустое время.

– Вы упомянули имперский стиль. В современной русской фантастике популярен жанр альтернативной истории. Сюжеты этих книг достаточно типичны. Наш современник или несколько современников через временную дыру попадают, скажем, в 1941 год во время Великой Отечественной войны. Там они включаются в бои, встречаются со Сталиным и его окружением, дают ценные советы, помогают создать новое оружие и тактику его применения, тем самым сокращая потери на фронтах и приближая Победу.

Нередко Сталин в этих опусах предстает мудрым и дальновидным политиком, гениальным стратегом. Примечательно, что многие авторы этих книг молоды. Они не только Сталина, Брежнева вряд ли помнят. Что это? Ностальгия по имперскому прошлому, тоска по сильной руке?

– Не думаю. Единственная книга в жанре альтернативной истории, которую я прочел, «Голубое сало» Сорокина. В ней писатель сфабриковал историю, которой не было и никогда не будет. Это очень интересный жанр, технологии, которые могут быть совершенно не связаны с печалью по исчезнувшему сталинизму. Просто увлекательно. Человек моделирует мир, становится творцом истории, это такая игра. И еще, как мне кажется, магия. Художник – своего рода маг. Создавая роман, он преображает мир, как бы уподобляясь Творцу. Любой художник в этом смысле – творец мироздания. Перед ним – задача: создать историю, но не ту, реальную, которую сделал Господь, а которая в тебе самом.

– В чем Вы видите миссию современного литератора?

– Она должна исходить из недр его сознания, быть связана с желанием открывать и познавать этот мир, понимать его. Писатель призван создавать модели, приводить в порядок хаотическое мироздание, в котором мы живем, искать в этой бессмыслице кристалл, формулу и метафору. Кому это нужно? Прежде всего, самому творцу. Все сколь-нибудь значимые интеллектуальные открытия и прозрения у меня наступали во время писания книг. Работа над текстами обеспечивает мне, и, как я думаю, не только мне, возможность сформулировать накопленный до этого эмпирический опыт.

– Позвольте задать политический вопрос. Вы верите в объединение народов на евразийском пространстве?

– Это, конечно, правильный вопрос литератору, писателю, большому знатоку стиля и эстетики. (Смеется.) Безусловно, есть опасения, что солнце погаснет. И это станет бедой для Евразии и Беларуси в частности. Тем не менее, есть вариант, что солнце все же не погаснет. Стремление народов к объединению сильнее, чем сиюминутные политические доктрины и мотивации. Мир сейчас восстанавливает империи...

Беседовал Анатолий ДРОЗДОВ

От редакции.
Разговор с А. Прохановым состоялся незадолго до его замечательного юбилея. 26 февраля Александру Андреевичу исполнилось 75 лет. «Беларуская думка» желает юбиляру доброго здоровья, долгих лет жизни и дальнейших творческих успехов.